

Евсевій Осиповичъ совсѣмъ прелестень.

Въ Знаменской гостиницѣ есть прекрасная читальная комната. Баклановъ велѣлъ ее приготовить для своего вечера.

У содержателя отеля онъ взялъ серебряный самоваръ и весь серебряный сервизъ; сказалъ, чтобы служили двое людей, и велѣлъ имъ надѣть бѣлые галстуки.

Онъ любилъ эту маленькую роскошь и вообще привыкъ къ ней въ своей семейной жизни.

На этотъ вечеръ, вмѣстѣ съ прочими гостями, былъ приглашенъ и авторъ сего разсказа.

Извиняюсь передъ читателемъ, что для лучшаго разъясненія смысла событій я, по необходимости, долженъ ввести самого себя въ мой романъ: дѣло въ томъ, что Баклановъ былъ мой старый знакомый. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ довольно часто бывалъ у меня, тосковалъ о томъ, о семъ; печалился, что нѣтъ ни одного чисто-эстетическаго журнала.

Получивъ приглашеніе, я предугадывалъ, что умыселъ иной тутъ былъ.

По приѣздѣ моемъ, Баклановъ прежде всего представилъ меня Софи, которая, совершенно какъ хозяйка, сидѣла за чайнымъ приборомъ.

— Ваша супруга? — спросилъ я, зная, что онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ.

— Нѣтъ, это кузина моя, т-те Ленева! Она ненадолго приѣхала въ Петербургъ и была такъ добра, что взялась быть у меня хозяйкой.

По маленькимъ розовымъ пятнышкамъ, выступившимъ при этомъ на щечкахъ Софи, и по не совсѣмъ спокойному поклону, я сейчасъ же понялъ, что тутъ было что-то такое. да не то!

Баклановъ между тѣмъ повернулъ меня и познакомилъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ, джентльменски одѣтымъ и съ чрезвычайно красивыми бакенбардами.

— Monsieur Юрасовъ!.. нашъ бывшій губернской стряпчій, а теперь оберъ-секретарь, — сказалъ онъ.

Я и безъ того, впрочемъ, догадывался, что это долженъ быть правовѣдъ или лицеистъ.

Баклановъ затѣмъ обернулъ меня въ третью сторону — тамъ стоялъ въ толстомъ драповомъ сюртукѣ, съ низко опущенною на тали сабельною перевязью, молоденькій офицеръ, съ вздернутымъ носомъ и вообще съ незначительною физиономіей.

— Monsieur Петцоловъ! — сказалъ онъ: — сынъ нашей бывшей губернаторши.

Я не безъ любопытства посмотрѣлъ на этого господина, бывшаго нѣкогда столь милымъ шалуномъ и теперь выросшаго почти до сажени. На мой поклонъ онъ поклонился полунбрежно и опять оперся на свою саблю. Этою позой онъ, кажется, по преимуществу былъ доволенъ.

Мы усѣлись.

— Я вотъ сейчасъ, — началъ Баклановъ: — рассказывалъ этимъ господамъ, что намѣренъ приступить къ изданію журнала чисто-эстетическаго.

Я покраснѣлъ и потупился при этомъ.

Послѣднее время столько господъ говорили мнѣ о своемъ намѣреніи издавать журналъ, столько приступали къ этому, что стало наконецъ совѣстно слушать, какъ будто бы взрослый человѣкъ вамъ говорилъ: «А я вотъ сяду на палочку верхомъ да и поѣду!».

«Ну и поѣзжай, — думалось мнѣ: — дуракъ этакій!»

Пробурчавъ что-то такое въ отвѣтъ Бакланову и воспользовавшись тѣмъ, что въ это время былъ разлитъ чай, я поспѣшилъ отойти отъ него и сѣсть около хозяйки. Здѣсь мое вниманіе, чтобы не сказать — сердце, было поглощено самымъ очаровательнѣйшимъ образомъ: изящнѣе и благороднѣе выраженія лица, какъ было у Софи, я не встрѣчалъ. Ея густые смолянистые волосы лежали у ней на головѣ толстыми змѣями. Цвѣтъ кожи былъ нѣжности Киприды въ ту минуту, какъ та вышла изъ пѣны морской. Талія именно тамъ и возвышалась, гдѣ желалось того самому прихотливому вкусу, тамъ и суживалась, гдѣ нужно было, чтобы было узко. Одѣта она была не то, чтобы какъ для дома, и не то, чтобы какъ для гостей.

«Господи! — думалъ я: — родятся же на свѣтѣ такія красавицы, отъ одного созерцанія которыхъ чувствуешь неописанный восторгъ».

Баклановъ, кажется, это замѣтилъ.

— Кузина — почитательница вашихъ сочиненій, — ска-
зала онъ.

— Ахъ, да, — отвѣчала Софи, кидая на меня убійственный
взглядъ.

Но я видѣлъ очень хорошо, что ангелъ этотъ не читалъ ни
строчки моихъ сочиненій, да и врядъ ли что-нибудь читалъ!

На моемъ, довольно продолжительномъ вѣку, мнѣ приходи-
лось видѣть три формациі женщинъ: дѣвицъ и дамъ моей
юности, которыя все читали; потомъ, въ лѣта болѣе возмужа-
лая, — дѣвицъ и дамъ ничего не читавшихъ, но зато отлично
наряжавшихся и превосходно мотавшихъ деньги, къ разряду
которыхъ, собственно, и принадлежала Софи, и наконецъ, съ
дальнѣйшимъ ходомъ разсказа, мнѣ, можетъ-быть, придется
представить вниманію читателя барышню совсѣмъ нынѣшнюю,
которая мало что читаетъ, но сейчасъ все и на практику
переводить.

Во время всѣхъ этихъ моихъ разсужденій лакей вошелъ и
доложилъ:

— Генераль Ливановъ.

Баклановъ всталъ и, какъ человѣкъ свѣтскій, нисколько
не принялъ раболѣпной позы, а, напротивъ, какъ-то еще не-
брежнѣй закинулъ волосы свои назадъ; но вошелъ рѣшительно
величественный старикъ.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ, кланяясь всѣмъ общимъ
поклономъ, и потомъ тотчасъ же сѣлъ напротивъ Софи.

Всѣ мы: молодцоватый Баклановъ, вашъ покорнѣйшій слуга,
не совсѣмъ худощавый, сухопарый правовѣдъ и жиденкій
Петцоловъ показали противъ него рѣшительно дѣтьми, и
одна только Софи спорила съ нимъ во впечатлѣніи, и то своею
красотой.

Когда Ливановъ, бывъ еще нестарымъ директоромъ, докла-
дывалъ однажды министру, тотъ вдругъ обернулся къ нему и
вскричалъ:

— Да кто же изъ насъ министръ, вы или я? Вы такимъ
тономъ мнѣ говорите!

— Приближаясь къ розѣ, ваше высокопревосходительство,
невольна приемишь ее запахъ! — отвѣчалъ на это Ливановъ.

И министръ повѣрилъ ему.

Я видѣлъ, что старикъ былъ одѣтъ въ самый новый парикъ,
въ отличнѣйшій дорогого сукна фракъ, брильянтова запонки
и въ щегольской рубашкѣ. Отъ него такъ и благоухало тон-
чайшими духами.

Баклановъ сталъ ему рекомендовать насъ.

При моей фамилии Ливановъ нѣсколько подолѣе и попри-
стальнѣе, чѣмъ на другихъ, остановилъ свой взглядъ на мнѣ.
Софи налила чаю и подала ему.

Онъ ее поблагодарилъ величественнымъ, но молчаливымъ
наклоненіемъ головы.

Баклановъ между тѣмъ все что-то егозилъ и беспокоился.
— Мы вотъ, дядюшка, сейчасъ разсуждали,—началь онъ:—
какое безобразіе нынче происходитъ въ литературѣ: Пушкина
называютъ альбомнымъ поэтомъ, и всюду лѣзетъ грязь и сало
этой реальной школы! Какія были у насъ дарованія: какой-
нибудь въ Москвѣ Варламовъ, Мочаловъ, здѣсь — Брюлловъ,
Глинка,—все это перемерло; другіе, которые еще остались —
старѣются, новыхъ никого не является... Надобно же какъ-
нибудь все это поднять и возбудить.

Евсейіи Осиповичъ, слушая племянника, при концѣ зажму-
ривалъ даже глаза, какъ бы затѣмъ, чтобъ ярче вообразить
себѣ рисуемую передъ нимъ картину.

— Возбудить никогда ничего нельзя-сь!..—заговорилъ онъ
наконецъ.—Все возбужденное всегда ложно и фальшиво: сила
и энергія пьянаго человѣка не есть сила, сонъ напившагося
опіума не есть успокоеніе.

— Но отчего? Я не такъ, можетъ-быть, выразился; ну, не
возбудить, а развить! — возразилъ ему Баклановъ.

— Это все равно, не въ словѣ дѣло,—перебилъ его Евсейіи
Осиповичъ:—вамъ, напримѣръ, никакъ теперь не возбудить и
не развить идеальной пластики греческой; въ мірѣ, во всемъ
человѣчествѣ нѣтъ этого представленія. Вамъ рафаэлевскихъ
мадоннъ не возвратитъ, какъ не возвратитъ и самаго католи-
цизма съ его деталями. Вотъ вамъ, французская псевдоклас-
сика и вообще вся эпоха Ренессансъ были возбужденныя, —
что онѣ принесли намъ? Звучныя, пустыя, безъ содержанія,
слова, прихотливыя, затѣйливыя, но безъ настоящаго вкуса и
смака формы.

Говоря это, Евсейіи Осиповичъ взмахивалъ глазами то на
меня, то на Софи, и вообще, кажется, хотѣлъ уронить этимъ
споромъ въ глазахъ нашихъ Бакланова.

— Однако музыка есть еще до сихъ поръ! — воскликнулъ
тотъ.

— Какая-сь? Революціонная! — подхватилъ Евсейіи Осипо-
вичъ: — вы слышали ли à l'armé?.. Паѳосъ оперы на концѣ
блеснувшихъ кинжаловъ, и раскусите это! — заключилъ онъ,
подмигнувъ лукаво на всѣхъ гостей.

— Я совсѣмъ не то говорю: я не хочу только этого край-
няго развитія реализма,—возразилъ-было Баклановъ.

Ливановъ не обратилъ вниманія на его слова.

— Миръ есть, — продолжалъ онъ: — волнообразное и феноменальное обнаруженіе одного и того же вѣчнаго духа: одна волна стала, взошла до своего махітима и пала, не подынешь ужъ ее!.. Неоткуда этой силы взять и влить ее внутрь міра, да и отверстій нѣтъ для того!

— Вѣдь это, дядюшка, извѣстная старая вещь: мистицизмъ и пантеизмъ! — возразилъ-было опять ему Баклановъ.

— Что жъ мистицизмъ! — воскликнулъ, весь побагровѣвъ, Евсеій Осиповичъ: — что вы мнѣ въ укоръ ставите то, чего вы и не нюхивали!.. Для моего Бога нѣтъ формы: я вѣрю въ Его вѣчную, вездѣсущую и всетворящую силу. Шутку какую взяли: мистицизмъ и пантеизмъ! Такъ вотъ сейчасъ, какъ кругъ пальца повернулъ, и порѣшилъ все!

При этихъ словахъ Евсеій Осиповичъ безпрестанно ужъ кидаль на меня взгляды; но я далъ себѣ слово сохранять молчаніе, и кромѣ того, нечего грѣха таить, больше всѣхъ ихъ разговоровъ меня занимала Софи.

«Все это, — думалъ я: — суета; а вотъ прелестное-то Божье творенье!»

Петцоловъ также, видно, раздѣлялъ мое мнѣніе и, положивъ попрежнему руку на саблю, все время глядѣлъ на Софи.

Но въ разговоръ вмѣшался правовѣдъ и рѣшился, какъ видно, поддерживать Бакланова.

— Вы изволите говорить, — обратился онъ вѣжливо къ Ливанову: — что не вольешь силы. Однако мы видимъ, что одинъ человекъ дѣлаетъ цѣлую эпоху: Петръ, на примѣръ.

— Что жъ вашъ Петръ? — воскликнулъ и ему Евсеій Осиповичъ: — втиснулъ въ народъ нѣсколько насильственныхъ государственныхъ формъ, но къ чему онѣ годны: и ваша канцелярская тайна, и крѣпостное право, да и войско ваше, пожалуй, такъ называемое регулярное.

— Однако безъ этого регулярнаго войска другія государства насъ завоевали бы.

— Ну, это еще старуха-то на-двое сказала; народъ цѣлый трудно завоевать. Онъ какъ ежъ; колется со всѣхъ сторонъ. Въ 1612 и въ 1812 гг. народъ отбилъ непріятеля, а вотъ какъ вы въ Крымъ-то съ однимъ регулярнымъ войскомъ пошли, такъ каково васъ отзвонили! Формы государственныйя нельзя-съ брать ни у кого; это не наука, которая обща всѣмъ!.. Распорядки у каждой страны должны быть свои, сообразно цивилизаціи народа, его нравственнымъ, климатическимъ и географическимъ условіямъ, а у насъ, — нате, вотъ

вамъ бранденбургскіе законы, и валяй по нимъ: ни тпру, ни ну, ни на сторону и вышло!.. Вы вѣдь, кажется, оберъ-секретарь сената?

— Точно такъ.

— Хорошо у насъ идетъ, хорошо? — спрашивалъ Евсевій Осиповичъ.

На этихъ словахъ его я едва не вмѣшался: Ливановъ, вѣроятно, совершенно забылъ, какъ мы съ нимъ въ 44 году обѣдали въ одномъ домѣ, и онъ громогласно и дерзко объяснялъ цѣлый обѣдъ, что все у насъ идетъ хорошо и все имѣетъ полнѣйшій историческій смыслъ. И что же теперь онъ говорилъ?

Баклановъ, кажется, тоже это понималъ и былъ въ самомъ досадливомъ расположеніи духа.

— По-вашему, значить, — началъ онъ: — надо признать въ искусствѣ совершеннѣйшій реализмъ; рисовать, на примѣръ, позволяется только видъ фабрикъ, машинъ, ну, и, пожалуй, портреты съ нѣкоторыхъ житейскихъ сценъ, а въ гражданскомъ порядкѣ, разумѣется, социализмъ: на полумѣрѣ зачѣмъ ужъ останавливаться!

— Вы вотъ опять такими большими вещами какъ мячикомъ играете! — началъ ему возражать сначала довольно тихо Ливановъ. — Социализмъ? Что такое социализмъ? Христианство... сила, съ которою распадающаяся Греція смогла стать противъ вашего государственнаго Рима... религія рабовъ... надежда и чаянье бѣдныхъ и угнетенныхъ. Что вы на социализмъ-то пофыркиваете? Оближите еще прежде пальчики, да потомъ его кушайте.

— Однако нельзя же, — возразилъ ему правовѣдъ: — при томъ, по крайней мѣрѣ, состояніи, въ которомъ находится теперь Европа, приводить его въ практику: у насъ всѣ города, всѣ жилища выстроены не такъ.

— Я не знаю, что можно и что не можно, а знаю только, чего жаждетъ душа моя. Хочу, чтобы равенъ былъ человѣкъ человѣку: хитростью и лукавствомъ мы только вскочили одинъ другому на шею и ѣдемъ.

— Все это прекрасно, но мы безтолково къ этому идемъ! Посмотрите, что кругомъ васъ дѣлается! — воскликнулъ Баклановъ.

— Не знаю-съ, толково ли, не толково ли, — отвѣчалъ ему почти съ презрѣніемъ Ливановъ: — но знаю, что идемъ мы!.. идетъ и Европа!.. Шалить она, если по временамъ подкуриваетъ настоящему распорядку!.. Всѣ очень хорошо понижаютъ, что человѣческія общества стоятъ на вулканѣ. Вотъ

откуда идутъ всѣ эти безпокойства и стремленія къ реформамъ; но врагъ идетъ, дудки! Не убавокаете его ни вашими искусствами, открытыми для всѣхъ въ музеяхъ и картинныхъ галлерейхъ, ни божескимъ, по вашему мнѣнію, правосудіемъ вашихъ жюри, ни превосходными парламентскими рѣчами, ни канальскими словами въ Тюльери,—врагъ идетъ! И въ лицѣ англійскаго пролетаріата, и во французскомъ работникѣ, и въ угнетенномъ итальянцѣ, и въ истерзанномъ негрѣ, а тамъ, пожалуй, сдуру-то, и мы, русскіе, попристанемъ, по пословицѣ, что и наша рука не щербата,—а? Такъ ли, лапка? Горитъ ли при этомъ твое юное сердце? — заключилъ Евсевій Осиповичъ, обращаясь уже къ Софи.

— Очень,—отвѣчала она, не понявъ и половины его словъ.

— Внемли Богу истины и правды, человѣкъ!—продолжалъ Евсевій Осиповичъ, потрясая рукою: — изухищрайся умомъ твоимъ, какъ знаешь, и спускай твой общественный корабль въ болѣе свободное и правильное море: не зажимай ушей отъ стона гладныхъ и хладныхъ! Скорѣй срывай съ себя багряницу и сокровища свои и кидай ихъ въ толпу, иначе она сама придетъ и возьметъ у тебя все...

Старика слушали со вниманіемъ даже стоявшіе тутъ лакеи. Правовѣдъ началъ нѣсколько женироваться.

— Опасность, которую вы такъ поэтично описали, не такъ еще, кажется, близка!—возразилъ онъ не совсѣмъ, впрочемъ, самостоятельнымъ голосомъ.

— А если бѣ и не такъ близка?.. Благородно оставлять дѣло въ такомъ положеніи?.. Благородно? — крикнулъ на него Евсевій Осиповичъ.

Вѣжливый оберъ-секретарь потупился.

— Покуда хлѣбное дерево не распространено по всему земному шару, дѣло нельзя поправить; для того, чтобы сдѣлать одного образованнаго человѣка, непременно надобно пять-шесть чернорабочихъ силъ!

— Да что вы мнѣ все этими подробностями-то тычете глаза!—воскликнулъ Евсевій Осиповичъ, вставая и смотря на часы.—Я вамъ говорю о голосѣ вѣчной и величайшей правды, раздающемся изъ-подъ всякаго историческаго, матеріалистическаго, эгоистическаго мусору; а вы мнѣ зажимаете ротъ мелочами... дрянью... сегодняшнимъ... Прощайте-ка однако, мнѣ пора ѣхать къ министру на раутъ, — прибавилъ онъ и началъ со всѣми цѣловаться, и даже офицера облобызалъ троекратно.

— Ну, сирена, столь же заманчивая и столь же холодная, поцѣлуй же и ты! — сказалъ онъ Софи.

Та его сейчас же поцѣловала.

— Прощайте-съ, — сказалъ онъ собственно мнѣ, лукаво улыбувшись.

— Каковъ старичишка, а? — сказалъ Баклановъ, когда дядя уѣхалъ. — Эка шельма! — вскричалъ онъ и затопалъ ногами. Софи покачала ему укоризненно головой.

— Не могу я, кузина, этого переносить! — горячился Баклановъ: — теперь вотъ о Богѣ, о вѣчной правдѣ и всетворящей любви говорилъ; а туда поѣдетъ, оду хвалебную Державинъ въ сенатѣ, на примѣръ, дѣлаетъ? — обратился онъ къ оберъ-секретарю.

— Я не знаю, собственно, — отвѣчалъ тотъ съ приличною ему скромностью: — это въ другомъ департаментѣ; но говорятъ, что слыветъ очень умнымъ человѣкомъ и ничего не дѣлаетъ, больше рассказываетъ старичкамъ разные скабрзные анекдоты.

— А, каковъ каналья! — продолжалъ восклицать Баклановъ. Но мнѣ старикъ, напротивъ, понравился: предаровитѣйшей природы былъ человѣкъ!

IV.

Иродіада.

Черезъ нѣсколько дней Баклановъ опять пріѣхалъ ко мнѣ.

— Какой случай, — началъ онъ: — у кузины моей (при этомъ онъ немного покраснѣлъ) украдены были деньги въ билетѣ. На-дняхъ ея воровка явилась въ банкъ; ее захватили, разумѣется, и теперь она пишетъ изъ тюрьмы и проситъ пріѣхать къ ней меня или Софи.

— Зачѣмъ же?

— Не знаю. Поѣдте, пожалуйста; вдвоемъ насъ скорѣе, можетъ-быть, пропустятъ.

— Извольте! — отвѣчалъ я.

Мы поѣхали; насъ сейчасъ же впустили и провели въ большую пріемную залу. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ вышла Иродіада, худая, блѣдная, но все еще съ довольно красивымъ, или, по крайней мѣрѣ, умнымъ лицомъ.

Баклановъ со мною и съ нею отошелъ нѣсколько въ сторону.

Иродіада на меня подозрительно посматривала.

— Что тебѣ, любезная, нужно отъ меня? — началъ Баклановъ.

— Я, Александръ Николаевичъ, такъ какъ въ несчастѣ